

В. А. СМЕТАНИН

**О ВИЗАНТИЙСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
ТЕОРИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
(НА ИСХОДЕ XIV СТОЛЕТИЯ)**

Содержание предлагаемой статьи сводится к рассмотрению послания (1393 г.) константинопольского патриарха Антония IV великому князю Московскому и всея Руси Василию I Дмитриевичу по поводу отказа Москвы от практики литургического поминовения имени византийского императора в православных церквях Руси. При этом особое внимание уделено тем условиям, в которых стало возможным появление такого источника, для избежания его абстрактно-вневременного исследования. Уяснение модификации византийской теории универсальной власти, подкрепленной соответствующей аргументацией, можно считать целью последующего анализа.

Пока единственное издание греческого текста письма Антония IV было подготовлено в 1862 г. Ф. Миклошичем и И. Мюллером¹. Послание дано под № 447, без указания даты, с аннотацией на латыни в одну строку: «Увещевание патриарха для Василия, князя Московского». Слово «увещевание» взято издателями из текста послания (Р. 189. 17-18). Текст заканчивается многоточием, после которого издатели написали по-латыни: «Остальное отсутствует». Собственно греческий текст насчитывает 145 строк, или 4 1/4 печатной страницы. Нумерация строк в издании нет. Постраничное размещение строк таково: на с. 188 - 32 строки, на с. 189-191 - по 35 строк и на с. 192 - 8 строк (для удобства в дальнейшем используется постраничная нумерация строк). Послание является официальным, и можно было бы ожидать его датировку и подпись составителя, на что рассчитывать, к сожалению, не приходится из-за утери окончания письма. Текст не разделен на абзацы. Сохранившаяся часть послания состоит из 20 неравномерных предложений. Размер самого длинного составляет 23 строки (Р. 190. 17-35; 191. 1-4). Самое короткое включает лишь три слова (Р. 191. 31). Четыре вопросительных предложения, оживляющих текст, усиливают нарастающую напряженность «увещевания». Источник еще не был переведен на русский язык. Некоторые фрагменты в переводе на

английский встречаются в работах Э. Баркера, Д. Оболенского, Д. Геанакоплоса².

Предлагаю свой перевод послания³, расчленив его на 9 частей и предпослав каждой части краткую аннотацию:

I

Обращение к Василию I Дмитриевичу (Р. 188. 1-5).

«О благороднейший великий князь Московский и всяя Руси, во святом духе вожделеннейший сын нашей мерности, кир Василий: о благоволения, мире, сострадании, душевном и телесном здоровье, молитве и благословении и ином каком-либо одновременно благоденствии и избавлении обращается с мольбой к твоей милости мерность наша от бога всемогущего».

II

О раздорах в церкви Руси и возвращении митрополита Киприана (Р. 188. 5-17).

«Твоя милость знает, какие произошли смятение и раздоры некоторое время тому назад в церкви Руси, вследствие которых вы огорчались и у нас - крайне неприятное дело. С тех пор как наша мерность, бог знает какими прегрешениями, взопла на высокий патриарший престол, мы приложили много старания и усилий, чтобы умиротворить эту церковь и возвратить ее в прежнее состояние, что и случилось с помощью бога, соединяющего и умиротворяющего вселенную, и вновь возвратился святейший митрополит Киева и всяя Руси и почтеннейший, во святом духе любезный брат нашей мерности и сослужитель, кир Киприан, единый митрополит во всей Руси по древнему обычаю, и после некоторого забвения этого обычая снова точно так же единственный»

III

О расприх и восстании в Великом Новгороде (Р. 188. 17-32; 189. 1-2).

«Недавно же приглашенный нами апокрисиарий митрополита и милости твоей, во святом духе любезный сын нашей мерности, кир Дмитрий Афинянин сообщил и моему наилучшему и святейшему самодержцу и императору и мерности нашей о расприх и происшедшем в Великом Новгороде восстании, и мы были крайне удручены тем, что, в то время как умиротворилась тамошняя Христова церковь и были отвращены столь большие смятения и волнения (по милости Христа, уладившего разногласие и разрушившего средостение вражды и установившего посредством креста мир на небе и на земле), дьявол снова вызвал такие распри на погибель тех христиан; и не удивительно, ибо любящему раздоры и войну дьяволу свойственно постоянно творить таковые против христиан. Скверная и человеконенавистническая природа распрей не может взирать на живущих в мире, вследствие чего она затевает против них всяческие ухищрения, но ныне г[о] быстро убоится и уступит силе спасителя нашего Иисуса Христа, сказавшего, что церковь сильнее и самих врат Ада».

IV

О необходимости увещевания (Р.189. 2-19).

«Мерность же наша, посовещавшись с наилучшим и священным моим самодержцем, поборником и защитником церкви, для приведения вновь в порядок этой церкви написала о том, что надлежит ведать твоей милости, поскольку наша мерность имеет в твоём лице истинного сына и друга и востринимает заинтересованность твоей души и твоего достоинства, и твоей власти. Поскольку твоя милость добывается от нас разумных оснований и справедливости, и логики, нам необходимо сделать это, что мы и делаем, ведь мы защитники божественных законов и канонов, и мы обязаны сделать это всем христианам, тем более великим людям и правителям народов, и видным деятелям той или иной местности, каковым является твоя милость, и обо всем том, что возникло в соответствии с канонами и на основании законов, предстоит узнать твоей милости из письма, которое мы написали; поскольку же я - всеобщий учитель всех христиан, у меня настоящая потребность, если я слышу о чем-то происходящем у твоей милости, что тебе мешает в душевном отношении, написать тебе о том в качестве отца твоего и учителя посредством наставлений и увещевания, чтобы ты уладил это; и ты имеешь потребность как христианин и сын церкви произвести исправление».

V

О презрительном отношении Василия I Дмитриевича к патриарху Антонию IV и его апокрисиариям (Р. 189. 19-23).

«Почему ты презираешь меня, патриарха, и не оказываешь чести, которую оказывали твои прародители, великие князья, но презираешь и меня и людей, которых я посылаю отсюда, и не находят они уважения и места, которое всегда было у патриарших людей?»

VI

Доводы Антония IV в пользу уважительного отношения к патриарху Ковстантинополя (Р. 189. 23-35; 190. 1-11).

«Ты не знаешь, что патриарх занимает место Христа и сидит близ его самовластного престола? И ты презираешь не человека, но самого Христа, поскольку почитающий патриарха почитает самого Христа; но не по какой иной причине, как из-за всеобщих прегрешений мы потеряли наши места и земли, и теперь мы должны быть презираемы христианами, если мирская власть выказывает пренебрежение к нам. Но христианство проповедуется повсюду, и мы испытываем такое же уважение, какое испытывали апостолы и их преемники, ибо они также не ощущали человеческой славы и не владели мирской властью, скорее всего они подвергались преследованиям и оскорблениям со стороны нечестивых и умирали ежедневно, однако их величие и то влияние, которое они оказывали на христиан, никак не связывалось с их уважением. Поэтому, сын мой, я пишу и наставляю, и советую

твоей милости, чтобы ты так же, словно самого Христа, почитал патриарха и его мнение, и письма, и обращения, и людей, которых он посылает; это необходимо и тебе и душе твоей, и чести твоей, и власти твоей. Если же ты презираешь и бесчестишь бога, берегись, как бы он сам не стал мстить за себя самого: «ибо ужасный, говорят, переходит в руки бога живущего» и снова через пророка говорят: «смотрите, презиратели, и удивляйтесь и будьте уничтожены». Я считаю своим долгом наставить в этом и поучить, обращаясь к твоей милости, ты же должен прислушиваться как сын церкви и исправлять дело».

VII

О презрительном отношении Василия I Дмитриевича к византийскому императору (Р. 190, 11-15).

«Однако и о наилучшем и священном моем автократоре и императоре я слышу некие речи, произносимые твоей милостью, и я огорчаюсь, ибо ты препятствуешь, как говорят, митрополиту, чтобы он поминал божественное имя императора в диптихах (негодное дело из когда-либо совершенных)».

VIII

О доводах Василия I Дмитриевича (Р. 190, 15-16).

«И поскольку ты говоришь, что у нас есть церковь, императора же у нас нет и мы не считаем его таковым, то в этом нет ничего справедливого».

Аргументация Антония IV в защиту универсалистского характера императорской власти Византии (Р. 190. 16-35; 191. 1-35; 192. 1-8).

«Священный император занимает важное место в церкви, ибо император не есть просто так, как другие правители и самовластные повелители стран, в силу того, что с самого начала императоры укрепили и подтвердили свое глубокое уважение во всем мире, и вселенские соборы императоры собирали, и положения о непреложных догматах и о поведении христиан, о чем говорят божественные и священные каноны, они подтвердили и установили законом, чтобы им подчиняться, и сильно выступили против ересей. Императорские предписания с помощью синодов определили почетные места архиепископов, разделение на части из епархий, распределение церковных приходов, вследствие чего они имеют большой почет и место в церкви, и если, с позволения бога, народы расположились кругообразно возле императора и его страны, но до сегодняшнего дня эту хиротонию имеет император от имени церкви и эту организацию, и эти молитвы, и помазывается великим миром и рукополагается как император и автократор ромеев, то есть всех христиан, и в любой местности и от имени всех патриархов и митрополитов, и епископов упоминается имя императора, там, где называются христианами, чего не имеет никогда ни один из иных правителей или топархов, и столь большую он имеет от имени всех власть, что даже сами латиняне, не имеющие никакого участия в нашей церкви, и они оказывают ему эту честь и повинуются, что делалось и в прошлые времена, когда они были соединены с нами, тем более должны ему это делать

православные христиане. Ведь так как народы окружили страну императора, не должно допустить, чтобы христиане его презирали, но скорее пусть он их воспитывает и делает более благоразумными, поскольку если великий император, повелитель обитаемого мира и правитель, окруженный столь большой силой, оказался в столь тяжелом положении, которое претерпевали, быть может, лишь отдельные топархи и немногие из правителей, хотя твоя милость и тишина страна часто страдают и осаждаются нечестивыми и берутся в плен, но несправедливо вследствие этого твоей милости презирать нас, однако мы, мерность наша и священный император, в течение столь долгого общения пишем тебе и уважение, которое имели предшествующие тебе великие князья, это уважение мы себе оказываем и в письмах, и в обращениях, и через гонцов. Ничего хорошего нет в том, сын мой, когда ты говорил, что у нас есть церковь и нет императора, невозможно для христиан то, что у них есть церковь и нет императора. Ибо империя и церковь имеют крепкое единство и общность, и невозможно отделить одно от другого. Христиане отвергают только одних-единственных императоров - еретиков, действовавших против церкви и протавивших извращенные догматы, чуждые учению апостолов и отцов. Наилучший и священный мой самодержец, милостью божьей, есть правовернейший и самый преданный поборник церкви и защитник, и мститель, и невозможно представить то, что архиерей не почитает его. Слушай же, что говорит в первом из соборных посланий Петр, глава апостолов: «Бойтесь бога, чтите императора». Он сказал не «императоров», чтобы кто-нибудь не подумал, что императорами называются там и сям среди народов, но «императора», показывая, что всеобщий император есть один. И к тому же какого императора он имел в виду? Нечестивого, бывшего в то время, и гонителя христиан, но, как святой апостол, предвидящий будущее, что христиане намереваются иметь одного императора, он учит почитать нечестивого императора, чтобы усваивали на этом примере, как должны почитать благочестивого и правоверного, ибо если некоторые из христиан имя императора друг другу прославляли, то все по поводу его природы, а законопроект, вносимый в отмену действующего закона, представлялся скорее тиранией и насилием. Да и какие отцы, какие синоды или какие капоны говорят о таком? О природном же императоре шумели и вверху и внизу, чьи законы и распоряжения признаются во всем обитаемом мире и кого одного-единственного поминают христиане повсюду, а не какого-либо другого. Поэтому я пишу, сын мой, твоей милости и советую...».

Нетрудно заметить, что наименьшей частью письма является VIII (О доводах Василия I Дмитриевича), составляющая только две строки, а наибольшей - IX, представляющая собой аргументацию Антония IV и насчитывающая 63 строки. Позиция Василия I Дмитриевича сформулирована предельно кратко и точно, причем изложена в послании трижды в информном словесном выражении (Р. 190. 15-16; 191. 16-17, 17-18). Тезис великого князя Московского и всея Руси был передан византийской стороне в устной форме, через апокрисиария Дмитрия Афинянина, который представлен в послании в качестве гонца митрополита и московского государя (Р. 188. 17-18). Никаких сведений или намеков на письмо Василия I источник не содержит. Антоний

IV подчеркивает, что патриарх и император «в течение столь долгого общения» пишут Василию I Дмитриевичу (Р. 191. 13) и оказывают уважение «и в письмах, и в обращениях, и через гонцов» (Р. 191. 14-16). Послание Антония IV содержит совет почитать константинопольского патриарха и его мнение, и письма, и обращения, и людей, которых он посылает (Р. 190. 1-3). Получается, что Василий I Дмитриевич относился без почтения к посланиям Константинополя. Более того, он произносил «некие речи» (Р. 190. 12-13), которые неприязненно воспринимались Константинополем. Упоминания об этом встречаются еще дважды в словах: «И поскольку ты говоришь...» (Р. 190. 15) и «когда ты говорил» (Р. 191. 16). Подобные фразы в данном послании невозможно считать за свидетельство встречного письма Василия I Дмитриевича (здесь не подходит постулат византийской теории эпистолярного стиля о взаимоотношениях корреспондентов: автор «говорит», адресат «слушает»). Слова Антония IV «твоя милость добивается от нас разумных оснований, и справедливости, и логики» (Р. 189. 8-9), также не подтверждают наличие письма московского государя. Таким образом, просьба Москвы была высказана, вполне конкретно, однако не в письменной, а в устной форме (через апокрисиария). В этом, в частности, также проявилось презрение Василия I Дмитриевича к византийской стороне. Он прервал эпистолярное общение с Византией, но своими действиями побудил Константинополь к инициативе, и послание Антония IV следует рассматривать как встречное.

Старший сын Дмитрия Ивановича Донского и великой княгини Евдокии, Василий I Дмитриевич (1371-1425) стал великим князем Московским и всея Руси с 1389 г. Уже в ближайшие годы он добился заметных успехов. В 1392 г. ему удалось присоединить Нижегородское и Муромское княжества. После свадьбы с Софьей Витовной (1391 г.) он подготовил и заключил союз с Литвой (1392 г.) для отражения золотоордынского натиска. Положение облегчилось разгромом Золотой Орды Тимуром в 1391 и 1395 гг., и Василий I Дмитриевич перестал платить дань. Были урегулированы и церковные дела - в 1390 г. Кириан возвратился на митрополичью кафедру, о чем упоминается в послании Антония IV (Р. 188. 12-15).

Обращение Василия I Дмитриевича через посредника и ответ патриарха могут быть датированы лишь ранее 1394 г. В условиях дважды прерываемой турецкой осады Константинополя (1394-1396, 1396-1400, 1400) негативное отношение Василия I Дмитриевича к византийцам выглядело бы аморальным. К тому же известно, что в период осады (точнее, с того времени, когда Василий I Дмитриевич услышал о ней) московский великий князь послал в Константинополь с монахом Родионом Ослебятом «много денег и милостыню» (согласно Троицкой летописи под 1389 годом). В послании Антония IV отсутствуют какие-либо сведения об осаде Константинополя, которая началась весной 1394 г. Осаду подтверждает общая констатация того, что император «оказался в столь тяжелом положении, которое претерпевали, быть может, лишь отдельные топархи и немногие из правителей» (Р. 191. 8-9). В то же время подчеркнуто, что Василий I Дмитриевич и его страна «часто страдают и осаждаются нечестивыми и берутся в плен» (Р. 191. 10-11). Такую общую оценку ситуации трудно связать с какими-либо конкретными событиями в

истекший период княжения Василия I. События в Великом Новгороде, упоминаемые в послании Антония IV, невозможно идентифицировать с ситуацией 1397 г., что подтверждается также письмом Антония IV от 1393 г. епископу Новгородскому Иоанну и новгородскому клиру.

Византийский император в послании Антония IV не называется по имени. Проявленное к нему на Руси презрение не могло быть беспочвенным и должно было иметь какие-то основания, которые необходимо выяснить.

Мануил II Палеолог (именно его подразумевает послание Антония IV) пришел к власти 16 февраля 1391 г. Император давно уже предчувствовал разлад в отношениях империи с соседями, но дипломатический опыт подсказывал, что отныне придется бороться за оставшееся в руках с предельным напряжением сил. Надвигалось что-то неотвратимое, роковое, и требовалось распознать и остановить ползущее отовсюду зло. Познавая тайны дипломатической борьбы, Мануил укреплялся в мысли, что стержневой линией в политике империи оказывались его взаимоотношения с отцом и что не один десяток лет раскладка общественных сил зависела от позиции самого Мануила.

Отношения отца и сына выдержали первое серьезное испытание во время переговоров Иоанна V с Западом о военной поддержке против османцев в случае заключения унии католической и православной церквей. В октябре 1369 г. Иоанн V принял в «злочном городе» католическое вероисповедание. На возвращение императора домой не оказалось денег. Иоанн V выручил лишь Мануил. Собрав деньги, он отплыл в Венецию в середине зимы 1370/71 г. и вызволил отца из долговой тюрьмы. В знак благодарности Иоанн V закрепил за Мануилом право на владение Фессалониками и всеми теми землями, которые Мануил сможет просоединить в Македонии⁴.

Позиции Мануила еще более окрепли после первого мятежа Андроника, старшего сына Иоанна V, в мае 1373 г. За поддержку отца, по волеизъявлению Иоанна V, Мануил, согласно порядку престолонаследия (Михаил, второй сын Иоанна V, умер в младенчестве), был провозглашен соимператором 25 сентября 1373 г., в возрасте 23 лет.

В мае 1376 г. Андроник поднял второй мятеж против Иоанна V. Мануил, боровшийся на стороне отца, был ранен. Иоанн V и два его сына (Мануил и Феодор) были схвачены и брошены в башню Алемы. Мануилу все же удалось бежать и изгнать Андроника из Константинополя. Мурад I, опасаясь Мануила, изменил отношение к Андронику. Требуя ранее расправы с ним, султан теперь настоял на том, чтобы (по мирному договору в мае 1381 г.) Иоанн V признал Андроника наследником престола. В ромейско-генуэзском договоре 2 ноября 1382 г. о Мануиле также не было сказано ни слова. Недовольный позицией отца, Мануил в октябре или ноябре того же года тайно отплыл в Фессалоники, где провозгласил себя независимым императором, бросив тем самым вызов и султану. К ноябрю 1383 г. турки окружили Фессалоники. Мануил руководил обороной, но силы были слишком неравны. В апреле 1387 г. он с группой ближайших сподвижников был вынужден покинуть город, который сдавался османцам. Пришлось уехать на остров Лесбос и начать переговоры с Мурадом I. Приехав в Бруссу, Мануил заключил мир с султаном. Но отец сослал

Мануила на остров Лемнос, где изгнанник пробыл около двух лет.

Снова Иоанн V был вынужден обратиться за помощью к Мануилу во время мятежа Иоанна, сына Андроника IV и племянника Мануила. 14 апреля 1390 г. узурпатор овладел столицей. Заручившись поддержкой госпитальеров, Мануил изгнал его через пять месяцев. Султан Баязид I был недоволен победой Мануила, поскольку, вслед за Мурадом I, рассчитывал на Иоанна VII.

Узнав о смерти отца, Мануил тайно бежал из лагеря Баязида (где находился на вассальной службе) и захватил власть в Константинополе. В отместку за своеволие Мануила Баязид потребовал его участия в турецкой военной кампании в Малой Азии (июнь 1391 - зима 1391/92 г.).

Мануил давно чувствовал пристальное внимание турецких султанов к своей особе и даже стремление помешать ему утвердиться на престоле. В лице Баязида I Мануил столкнулся с самым непреклонным противником, готовым на все. Отец (Мурад I) оставил Баязиду достойное, крепкое наследство - сильнейшую военную державу Балканского полуострова со столицей в европейском городе Едирне (с 1365 г.), расположенной уже западнее Константинополя. Мурада I недаром прозвали Худабендигяром, что означает «государь, повелитель, хозяин» Баязид Челеби стал султаном 15 июня 1389 г. и вошел в историю под прозвищем «Яылдырым», что означает «Молния». Его отличали стремительная реакция, предельная организованность и твердость в осуществлении замыслов. С его приходом к власти в Османском султанате начался с 1389 г. новый этап в эволюции международных отношений на Балканах. Его главной целью было сокрушить Византию, причем основной базой для захвата являлась крепость Галлиполи (Гелиболу)⁵. Даже простой перечень его важнейших военных кампаний впечатляет. В 1389 г. он захватил Сербию, в 1391 г. организовал вторжение в Валахию (поход Фируз-бей), в 1393-1396 гг. он занял Болгарию, покорил Македонию и Фессалию, в 1394 г. совершил набег в Морю, в 1395 г. - набег в Венгрию, трижды осаждал Константинополь. В своем продвижении в Европу Баязид сталкивался с противодействием некоторых государств. С приходом к власти Баязида сразу осложнились византийско-османские отношения. Еще в 1389 г. Баязид начал переговоры с рыцарями-иоаннитами с целью добиться наилучших условий торговли с Родосом. Опасаясь усилившегося султана, родосцы укрепили в 1391 г. оборонительные сооружения Смирны, своего форпоста в Малой Азии.

В начале 90-х годов XIV Баязид ужесточил политику по отношению к своим европейским вассалам. Основания для этого были налицо, поскольку тылы султана были крепки как никогда. Успешно продолжая дело отца, Баязид организовал в 1389-1390 гг. азиатский поход. Весной 1390 г. была взята штурмом Филадельфия (Алашехир) - последняя византийская крепость в Малой Азии. В том же году османцы завладели бейликами Айдын, Сарухан и Ментеше.

В 1393 г. Баязид пришел к мысли о необходимости непосредственного включения вассальных территорий в состав Османской державы. Реализация замысла началась с организованной им встречи своих вассалов зимой 1393/94 г. в Сирозе (Серре)⁶.

Какими же действиями византийского государя был недоволен Василий I Дмитриевич, воспрепятствовавший митрополиту Киприану доминать в

диптихах имя Мануила II Палеолога (Р. 190. 13-14)? В послании Антония IV названы два обстоятельства, которые могли стать поводом для невоздержанности московского великого князя - потеря ромеями многих земель (Р. 189. 27-28) и тяжелое положение, в котором оказался император (Р. 191. 8-9). Патриарх ведет речь не об империи, а об императоре. Самым ужасным в жизни Мануила II было в те годы участие в азиатском походе Баязида. Из трех военных кампаний Баязида в Малой Азии (1398-1399 гг.; осень, зима и весна 1399/91 г. и лето 1391 - зима 1391/92 г.) Мануилу II пришлось участвовать лишь в последней. Четкие даты местонахождений императора в 1389-1390 гг. «отвергают всякое участие Мануила в походе султана»⁷, а, следовательно, и причастность Мануила к осаде и падению Константинополя весной 1390 г. К изысканиям П. Шрайнера можно добавить и то, что Мануил в период осени 1389 - весны 1390 г. был болен и пребывал в Константинополе, если судить по его письму № 12. Отсутствуют какие-либо намеки и на участие Мануила в азиатском походе 1390/91. Послание № 13 Мануила (1390 г.), написанное в Константинополе, не содержит на этот счет никаких сведений. Зато поход в период лета 1391 - зимы 1391/91 г. описан Мануилом II необычайно подробно. Ошеломительный воспой службой султану, император воспринимает окружающее с неподдельным чувством повизны.

Поход тяжело достался Мануилу. В своих восьми письмах (№ 14-21)⁸, направленных Димитрию Кидону, Николаю Кавасиле Хамаету, Пофу и Константину Асану, император описал тяготы кампании, которые превзошли невзгоды в прошлом. Она началась в июле. Уезжая из Константинополя, Мануил тревожился за жену и родственников, поскольку в столице разразилась чума. Его первенец Иоанн (будущий Иоанн VIII Палеолог) родился в отсутствие отца 21 июля 1391 г. Во время родов умерла жена.

Император сообщал с горечью, что приходится обменивать страх на страх, опасность на опасность, работу на работу, совсем как монеты⁹. Встречались дикие места, жители которых скрывались в расщелинах скал, в лесах, на горных высотах. Всякий рот, который открывается в ответ, немедленно закрывают мечом. Никого не палят, ни малых детей, ни беззащитных женщин. Большинство городов лежит в руинах. Время стерло даже названия городов. Император затрудняется сообщить, в какой части мира он и его спутники находятся. В течение многих дней они вынуждены шагать, ориентируясь только по солнцу, чтобы не заблудиться¹⁰. Мучают постоянное ожидание сражения, ужасный голод и холод, переправы через реки, преодоление гор, бескормица. Самое мучительное - то, что приходится сражаться вместе с теми и от имени тех, чье каждое прибавление в силе уменьшает ромейскую¹¹.

Возвратившись в столицу из похода, Мануил женился 10 февраля 1392 г. на сербской принцессе Елене Драгаш, а на следующий день они были торжественно коронованы патриархом Антонием IV.

Известия о служении Мануила II Баязиду достигли Москвы в том же 1392 г. и вызвали ответные действия Василия I, о чем апокрисиарии уведомили Константинополь в 1393 г. «Тяжелое положение» императора, согласно посланию, можно связать лишь с неслыханной при Палеологах военной кампанией султана с участием императора в качестве турецкого вассала, о чем

откровенно рассказано в письме № 14.

Несмотря на, возможно, нарочитую попытку Антония IV подчеркнуть незыблемость авторитета патриаршей власти (поскольку Москва на это не покушалась), весь пафос послания к Василию I заключается в отстаивании идеи всеобщего императора¹².

Центральной проблемой политической идеологии Византии на всем протяжении ее истории были отношения церкви и государства, которым (отношениям) свойствен многоуровневый характер. Внешнеполитическая деятельность империи опиралась на принцип общего соотношения императорской и патриаршей власти, который не связан с объемом прерогатив названных сфер в рамках ромейского общества.

Теория универсальной власти в византийских условиях была изложена уже в IV в. и связана с именем Евсевия Кесарийского. Поскольку христианство, согласно Миланскому эдикту 313 г., стало официальной религией Византии при Константине I, Евсевий различает две сферы власти - гражданскую (полученную непосредственно от бога) и духовную (полученную от Христа через апостолов). Под началом императора была мировая Римская империя, ставшая христианской Империей ромеев. На этом фоне роль и значимость патриаршей власти гораздо скромнее. Размытость двух сфер¹³ привела в дальнейшем к конфликту между императором и патриархом. Однако в Византии не было такой острой, как на Западе, дихотомии между религиозной и светской сферами¹⁴. Родоначальник теории Евсевий («Житие императора Константина») выступил адептом союза церкви с государством. Мысль о единстве гражданской и светской властей стала краеугольным камнем теории универсализма. Ярким подтверждением этого являются воззрения дьякона константинопольской Софии Аганаита (VI в.), патриарха Фотия, императора Льва VI¹⁵, историка Льва Диякона, а в поздневизантийское время - решение синода от июня 1380 г.¹⁶, позиция Антония IV как приверженца концепции Евсевия¹⁷, инструкция послам (1393 г.)¹⁸.

С обособлением разных направлений христианства появилась необходимость очередной регламентации общего соотношения светской и церковной властей путем сужения религиозного аспекта до конфессионального, иными словами, декламирования единства государственности и православия (а не просто христианской веры), что было сделано Фотием в послании болгарскому князю Борису (около 865 г.)¹⁹. В последующее время Фотий изложил концепцию равновесия императорской и патриаршей власти («Исагога», тит. 2-3, 885-886 гг.)²⁰.

За провозглашением идеала следовал период приближения к нему, который (период) находил выражение в длительном процессе возвышения священства до уровня царственности. Социальная эволюция воздействовала на политическую идеологию²¹. Своеобразным свидетельством успеха стала практика сравнения патриарха с солнцем и оформление светско-духовного сословия архонтов²².

Наконец, пришло время (исход XIV в.), потребовавшее апологии статуса императора как универсального правителя, причем в качестве аргумента приводилось признание всеобщности власти константинопольского патриарха

и семи христианами.

Послание Антония IV, написанное в сентябре-октябре 1393 г.²³, констатирует единство, общность и нерасторжимость империи и церкви. Если патриарх - всеобщий учитель всех христиан, то император - единственный всеобщий император всех христиан, природный император, повелитель обитаемого мира. Народы расположились вокруг императора и его страны. Он занимает важное место в церкви, выступая самым преданным ее поборником и защитником. Он благочестив и правоверен. Имя священного императора поминают в любой христианской земле. Это делают даже латиняне. Можно отвергать только императоров-еретиков, хотя и папист Павел учил почитать даже нечестливого императора. Великому князю оказывается такое же уважение, как и предшествующим великим князьям, поэтому нет оснований для негативного отношения к императору. Несправедливо презирать его вследствие столь тяжелого положения, в котором он оказался.

Таким образом, на исходе XIV столетия вновь проявилась трансформация теории универсальной власти. Один из ее неразрывных компонентов ('царственность') потребовал самой серьезной апологии в условиях политического возвышения Московской Руси и непризнания ею универсального характера императорской власти. Так произошла любопытная метаморфоза двух институтов власти. Став государственной религией, христианство, а затем и православие стремились возвыситься до всеобщего института власти, до уровня царственности, достигнув этого в теории и спустя длительное время на практике, по затем с максимальным напряжением сил церковь была вынуждена отстаивать светский универсализм, опираясь на тезис о неразрывном единстве и неотделимости империи от церкви.

1. Miklosich F., Muller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vindobonae, 1862. T. 2. P. 188-192. В дальнейшем сноски на послание даются в тексте статьи.

2. *Social and Political Thought in Byzantium* / Ed. E. Barker. Oxford, 1957. P. 194-197; Obolensky D. *Byzantium and Russia in the Late Middle Ages* // *Europe in the Late Middle Ages* / Ed. by J.R. Hale, J.R.L. Highfield, B. Smalley. L., 1965. P. 258-259; Geanakoplos D. *Byzantium. Church, Society and Civilization Seen Through Contemporary Eyes*. Chicago and L., 1984. P. 143-144.

3. Полный перевод послания представлен в книге: Сметанин В. А. *Галеры Саввы Русского*. Екатеринбург, 1994. С. 169-175.

4. Dennis G. T. *The Letters of Manuel II Palaeologus*. Washington, 1977. P. XIV.

5. Matschke K.-P. *Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422*. Weimar, 1981. S. 89-107.

6. Матанов Хр. *Югозападните български земи през XIV век*. София, 1986. С. 144-145.

7. Schreiner P. *Zur Geschichte Philadelphieas im 14. Jahrhundert (1293-1390)* // *OChP*. 1969. Vol. 35. P. 410.

8. Dennis G. T. *The Letters of Manuel II Palaeologus...* P. 36-63.

9. *Ibid* Ep. 14. 25-26, 28 (P.39).

10. *Ibid*. Ep. 16. 5, 7-8, 10-12, 27-28, 31-32, 37, 51-53 (P. 43, 45).

11. *Ibid*. Ep. 19. 4-6, 8-10 (P. 57).

12. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956. P. 492; Obolensky D. *Byzantium and Russia...* P. 259; *Idem*. *The Relations between Byzantium and Russia (Eleventh to Fifteenth Century)*. M., 1970; *Idem*. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453*. L., 1971; Tinnefeld F. *Byzantinisch-schussische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert* // *BZ*. 1974. Bd. 67. H. 2. S. 359-384.

13. Geanakoplos D. J. *Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Studies in Ecclesiastical and Cultural History*. N. Y., Evanston, 1974. P. 51.
14. Ibid. P. 56.
15. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: (Византия и Русь). М., 1991. С. 3С, 61, 65, 72, 102.
16. Studien zum Patriarchatsregister von Konstantinopel. I. Hrsg. von H. Hunger. Wien. 1981. S. 52. Anm. 248.
17. Runciman St. *The Byzantine Theocracy*. Cambridge, L., N. Y., Melbourne, 1977. P. 159.
18. Литаврин Г.Г., Медведев И.П. Дипломатия поздней Византии (XIII-XV вв.) // *Культура Византии. XIII - первая половина XV в.* М., 1991. С. 351-352.
19. Чичуров И. С. Политическая идеология... С. 34, 36.
20. Там же. С. 65.
21. Kazhdan A. *Certain Traits of Imperial Propaganda in the Byzantine Empire from the Eighth to the Fifteenth Centuries* // *Predication et propagande au Moyen Age. Islam, Byzance, Occident*. P., 1983. P. 13-27.
22. Сметанин В.А. *Византийское общество XIII-XV вв. (по данным эпистографии)*. Свердловск, 1987. С. 128-129, 147.
23. Darrouzes J. *Les registres des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Les actes des patriarches. Fasc. 6. Les registres de 1377 à 1410*. P., 1979. P. 211 (N 2931), 217 (N 2938).